

УДК 141.155 : 316.3

В.Б. ПОПОВ

СОЦИТАЛЬНАЯ ПЕРЕХОДНОСТЬ В МАКРОЭВОЛЮЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Попов Василий Борисович – кандидат философских наук, доцент, докторант Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

Феномен перехода рассматривается как целостный аспект общественной эволюции. Выделяются его линейно-стадиальные формы и нелинейные, объемные, где переходность становится типологической промежуточностью.

Ключевые слова: переходность, промежуточность, астадиальность, социетальность, многомерность, общественная эволюция, транзитология.

Феномен переходу розглядається як цілісний аспект суспільної еволюції. Виділяються його лінійно-стадіальні форми і нелінійні, об'ємні, де перехідність стає типологічним проміжком.

Ключові слова: перехідність, проміжок, астадіальність, соціетальність, багатовимірність, громадська еволюція, транзитологія.

The phenomenon of the transition is seen as an integral aspect of social evolution. There highlighted its linear and nonlinear stadial forms, volume, where transition is typological intermediateness.

Keywords: transition, intermediate, non-phasic process, societal, multidimensionality, social evolution, transitology

© В.Б. Попов, 2013

Постановка проблемы. Глобальные трансформации, претерпеваемые современной мироцелостностью, дают все основания для поиска адекватных концептов их описания в условиях, когда имеющиеся транзитологические подходы особенно в единстве с неовестерниационными, обнаружили свою предельность [1; 2]. Построенные на принципе однонаправленности и предопределенности они страдают эсхатологичностью ничуть не в меньшей мере, чем пресловутая пятичленка. В первую очередь это коснулось такого важнейшего концепта эволюционного дискурса как «переход», до сих пор понимающийся как однозначный синоним «транзита».

Подобный феномен, ускользая от одномерных определений, обнаруживает свою сложную, нелинейную природу, что делает затребованными уже совершенно иные подходы. Таковые, в частности, разрабатываются в рамках синергетики, научная мысль вновь выдвигает на передние рубежи идеи «новой» целостности, тотальности [3], которые, на наш взгляд, должны быть соединены с концептами разнообразия, различия, взаимосвязанности, континуума, что может быть интегрировано в рамках теории многомерности, правда еще только формирующейся [4].

Целью исследования является анализ феномена переходности в его целостности и разнообразии в рамках многомерного эволюционного процесса.

Анализ последних исследований и публикаций. Не вдаваясь в сколь-нибудь длительную предысторию данного концепта, отметим в качестве исходного пункта работу Д.Кшибекова, который в рамках формационной транзитологии выделил понятия перехода и переходных общественных отношений как объект самостоятельного изучения [5]. Им была предпринята попытка заложить концептуальную базу данного дискурса. Особо хотелось бы выделить

раскрываемую автором категорию «промежуточности» и «промежуточного качества», чьи эвристические возможности выходят далеко за рамки формационного перехода/социальной революции [5, с. 13–17, 31]. Весьма плодотворным был и его тезис о промежуточности кочевого общества, которое нельзя понимать как переходный этап от доклассового к классовому [5, с. 55–56]. Отсюда при желании можно было вывести положение о типологической промежуточности без переходности. Именно оно легло в основу концепции А. С. Ахиезера об инверсионном развитии и промежуточном характере российской цивилизации [6, с. 312–317]. Этот феномен «беспереходной промежуточности» обнаруживает явную нелинейную природу, а в более поздних работах исследователя анализируется как дуально-опозиционный по способу организации общества и культуры [7, с. 37–39]. Сущность переходных процессов усматривается им во взаимодействии двух логик: инверсии и медиации [7, с. 40–43].

80-е – нач. 2000-х гг. характеризуются очередным, но весьма интенсивным всплеском бесчисленных работ в рамках теории модернизации/вестернизации и демократического транзита. При всем их многообразии они базируются на едином методологическом концепте «конца истории» Ф. Фукуямы, когда либеральная цивилизация является даже не эталонной, а просто единственно возможной, и все незападные общества обязаны двигаться в ее направлении. Транзитологический императив ничуть не умалялся тем обстоятельством, что сам термин «демократия», несмотря на обширную историографию, остается слабо проработанным в качестве макросоциологических и/или социально-философских категорий, оставаясь скорее идеологемой. Все толкования варьируются между двумя позициями. С одной стороны, демократия – это народовластие, проявляемое че-

рез свободное волеизъявление (выборы), с другой – это набор «общечеловеческих» императивов. Обе позиции далеко не безупречны. Путем честных, прозрачных и демократических выборов к власти могут прийти откровенные диктаторы (например, Гитлер). Вторая позиция не представляет строго обоснованных критериев «общечеловечности», а, зачастую, как в Вашингтонском консенсусе, за общечеловеческие ценности выдаются регионально-цивилизационные. К тому же, настораживает и то обстоятельство, что все эти ценности выработаны сугубо в рамках одной (западной) цивилизации.

Постепенно, однако, нарастают возражения против одномерной и однонаправленной транзитологии. Так, Л. Пай не только признал наличие «незападного» политического процесса, но и считает возможным говорить о наличии разных моделей демократии, причем не только евро-атлантической, но и азиатского типа [8], которые, как полагает А.Д. Воскресенский, «не лучше» и «не хуже», а просто другие и, возможно, лучше приспособлены для решения конкретных политических проблем в незападных обществах [9, с. 104]. Т. И. Заславская также критикует транзитологические подходы, где понятие «переход» уже заранее предполагает презумпцию движения в заранее заданном направлении, равно как и его конечную цель [10, с. 196–198].

Тем не менее транзитология продолжает настойчивый поиск «маршрутов движения» для трансформирующихся/переходных обществ. Когда выяснилось, что большинство «переходных» постсоветских образований никуда не переходят, не вписываясь даже в логику «растянутой демократии», начался поиск терминов, описывающих подобный «парадокс». Хлынул целый поток определений типа: «имитационная демократия», «управляемый плюрализм», «электоральный»/«конкурентный» авторитаризм, «консолидированные» демократии/автократии, «амбивалентные режимы» и т. п., вплоть до экзотических («султанизм»). В конечном счете, методология базируется на все том же принципе, только сейчас дифференцированном. Трансформирующиеся общества делятся на группы по уровню убывающей транзитивности от однозначно транзитивных (в этом качестве сначала выступали постсоциалистические государства ЦВЕ, а затем и страны Балтии) до «безнадежных» (бывшие среднеазиатские республики). Общий вывод все же остался неутешительным: теоретико-методологический арсенал транзитологии крайне скуден, отсутствует развернутая система критериев для осмысления социальной динамики данного типа, равно как и сколь-нибудь проработанная и эвристически значимая типология современных социальных изменений.

Изложение основного материала исследования. Таким образом, транзитологическая парадигма исходит из векторной, стреловидной модели развертывания социальной динамики. Ее более обобщенная модель представляется в виде одноколейки, по которой на всех парах к желанному Забугровью мчится электропоезд, скажем марки Hyundai, не-

умолимо приближая счастливых пассажиров ко всем благам евроинтеграции. Как всегда: «...иного нет у нас пути», но теперь вместо коммунизма на горизонте Евросоюз.

Многомерные же модели, раздвигая вертикалями горизонталь, оперируют понятием поля/сети, пространственно-временного континуума и т. п. В частности, Л. П. Симуш, характеризуя переходные процессы с промежуточным состоянием, задействует категории социального пространства/времени, где пространство фиксирует устойчивость социальных форм, а время – нестабильность (изменчивость? – В. П.) [11, с. 12-14]. В.И. Карасев для описания трансформационных процессов также задействует объемные модели (социальное поле/сеть), связывая их феноменологически с переходным периодом, который описывается через понятия социальной революции (закон переходного состояния и революции (процесс регенерации прежнего качества) как социальный феномен переходного общества [12, с. 17, 22, 27]. Нечто подобное есть и у В. И. Пангина в его концепции волнообразного развития, где прогресс и деградация присутствуют одновременно в каждой точке эволюционного процесса, а реформы и контрреформы дополняют друг друга, обеспечивая единство модернизационного процесса [13, с. 36-48, 199-200].

В двух вышеназванных парадигмах (транзитологической и многомерной) совершенно по-разному рассматривают и проблему соотношения временных модусов. Первая установка исходит из того обстоятельства, что прошлое «в основном», за исключением «пережитков», сменяется настоящим через промежуточные/переходные/транзитные этапы. Другая же акцентирует внимание на том, что, наоборот, настоящее исчезает в прошлом, причем прошлое сохраняется и в настоящем [14, с. 37 - 39]. То есть получается с одной стороны, что настоящее поглощается прошлым, но с другой, оно исчезает также и в будущем. Вспомним знаменитое хайдеггеровское: «Время времени из будущего». Парадоксальность, неуловимость настоящего, отмеченная еще Аристотелем и особенно Аврелием Августином, непривязанность человеческого сознания к временным модусам разрушает чисто линейную последовательность событий и процессов. Тем самым появляются разнонаправленные системы координат и соответственно будущеепрошлое и прошлобудущее. Не в этом ли парадокс тех исторических феноменов, которые истолковываются то с позиций прошлого, то будущего?

Позднеантичный колон ближе к классическому рабу или к средневековому крепостному? Точно так же обстоит дело и с современным шахидом. Он человек из арабского средневековья или из эпохи постмодерна? Думается, что здесь как раз время и становится не линейным, а вихрящимся, «сфероидным». Динамика данных форм явно не транзитного порядка. Колон не «транзитировал» к средневековому крепостному, да и мусульманский фундаментализм вряд ли эволюционирует к общечеловеческим ценностям и к Вашингтонскому консенсусу. Эти и им подобные феномены движут-

ся вне линейно-стадиального измерения, возникая всякий раз в новом облике, там, где окажутся затребованными, всякий раз ставя неразрешимые в одномерной линейной парадигме вопросы об их принадлежности к традиции или новации.

В этой плоскости, видимо, лежит решение вопроса об особых промежуточных, но не переходных (транзитных) формах. Обычно их пытаются «пристегнуть» к последующим. Именно это произошло с «дофеодальным периодом» А. И. Неусыхина, который в формационной догматике просто объявили «раннефеодальным». Исходя из нашего понимания Антропосоциетального Универсума как глобальной бинарной оппозиции/связки Исторического и Социального континуумов [15, с.323–324], можно предположить наличие диссипативного, промежуточного трансформационного континуума, где Социальный континуум как стабилизирующий момент «распатывается» Историческим прежде всего в его наиболее динамичным компонентом (время). Соотношение между двумя началами (устойчивостью и изменчивостью) постоянно меняется, хотя противостояние может порой дойти до некоей точки относительного равновесия и затормозиться на более-менее продолжительное состояние/время. Доминирование Исторического континуума означает прорыв в иное измерение. Однако в нелинейных формах социальной динамики (о них см. 16, с. 46-52) подобные трансформации могут приобретать не векторный (стреловидный), а «сфероидный» характер, образуя своего рода «завитки», «завихрения», субконтинуумные зоны. Эти трансформации рассматривались нами как нелинейные, астадиальные [17].

В концепции А. С. Ахиезера феномены данного типа с нелинейной динамикой трактуются как инверсионный переход, направленный к тому, что раньше в той или иной форме уже было известно [7, с. 39]. Здесь переход не есть транзит в стадийном смысле, а скорее чередование или колебание в смещающихся плоскостях. Нелинейность подобных процессов налицо.

В итоге, даже новационные формы сами по себе не свидетельствуют о линейно-поступательных

процессах, поскольку они в равной мере могут быть задействованы и в иных типах социальной динамики. В частности революция Мэйдзи отнюдь не была «восстановлением» архаического «царства Ямато». Новационная империя, выпав из японской традиции, в то же время не стала транзитом к западной конституционной монархии, пусть даже такой консервативной, как прусская. Перед нами типологическая «промежуточность без перехода». Восстанавливалась астадиальная по сути идея Империи, а не ее прошлый «фактаж». Впрочем, если принять во внимание соображения А. С. Ахиезера о том, что инверсия и медиация могут переходить друг в друга [7, с. 43], можно допустить также взаимобратимость промежуточности и транзитности. Так, Россия 90-х XX в. рассматривалась как транзитная форма к западной цивилизации, а теперь уже таковой не считается. Зато идея демократического транзита в рамках евроинтеграции с начала 2000-х гг. прочно овладела умами украинских политических элит на уровне официальной идеологии. Украина трактуется как главный «транзитер» постсоветского пространства, особенно с учетом того обстоятельства, что ее основной конкурент – постсаакашвилиевская Грузия уже не проводит евроинтеграцию с прежней одержимостью.

Выводы. Все вышеизложенное позволяет постулировать многообразие трансформационного континуума. Тем самым наряду с линейными, транзитными формами присутствуют и нелинейные, объемные, астадиальные. Здесь переходность, утрачивая свою направленность, скорее становится типологической промежуточностью маятникового типа как чередование или колебание в смещающихся координатах. Многообразие социальной динамики способно к институализации новых социетальных форм, а не только к копированию уже имеющихся. Способность к выработке оригинальных цивилизационных стратегий является непременным условием исторической состоятельности сколь-нибудь крупных социополитических и социокультурных образований. Япония, страны ЮВА, Китай, а теперь, видимо, еще и Индия – наглядное тому подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита / Т. Карозерс // Полит. наука. – 2003. – №2. – С. 42 – 65.
2. Володин А. Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы / А. Г. Володин // Полит. наука – 2003. – № 2. – С. 8 – 29.
3. Кизима В. В. Тоталлогия / В. В. Кизима. – К. : ПАРАПАН, 2005. – 272 с.
4. Попов В. Б. Многомерный подход к научной литературе: вехи концептуального осмысления / В. Б. Попов // Філосо. дослідження. – 2010. – Вип. 12. – Ч. 1. – С. 199 – 211.
5. Кшибеков Д. Переходные общественные отношения / Д. Кшибеков. – А.-А.: Наука, 1973. – 284 с.
6. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – М. : ФО СССР, 1991. – Ч.1. – 320 с.
7. Ахиезер А. С. Социокультурный механизм переходных процессов / А. С. Ахиезер // Цивилизации. – М., 2008. – Вып. 8. – С. 33 – 56.
8. Пай Л. Незападный политический процесс / Л. Пай // Полит. наука. – 2003. – № 2. – С. 66 – 88.
9. Воскресенский А. Д. Политическая компаративистика как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их трансформации на Востоке / А. Д. Воскресенский // Восток – 2005. – № 2. – С.90 – 106.
10. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2004. – 400 с.
11. Симуш Л. П. Развитие темпорального многообразия в изменяющемся обществе : автореферат дис. ...канд. филос. н. / Л. П. Симуш. – М. , 1997. – 22 с.
12. Карасев В. И. Социальная трансформация как предмет философского анализа : автореферат дис. ... докт. филос. н. / В. И. Карасев. – М. , 2000. – 48 с.
13. Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации /

В.И.Пантин. – М. : Наука, 2004. – 246 с.

14. Оруджиев З. М. Философия прошлого (или понятие прошлого не в обыденном смысле) /З. М. Оруджиев // Филос. науки. – 2002. – № 1. – С. 35 – 57.

15. Попов В. Б. Социальная тотальность – социетальность: классические пределы и новые возможности / В. Б. Попов // Гілея. – 2012. – Вип. 59. – С. 318 – 326.

16. Попов В. Б. Синхронное и диахронное измерения всемирной истории / В. Б. Попов // Практ. філос. – 2004. – № 4. – С.46 – 58.

17. Попов В. Б. Астадиальные трансформации в структурах социетальной многомерности / В. Б. Попов // Гілея. – 2010. – Вип. 37. – С. 269 – 283.